

A futuristic spacecraft with large orange engines is descending over a planet. The planet has a green field in the foreground where two astronauts in spacesuits are standing. The background shows a blue sky with clouds and a distant horizon.

Квант М.

Сады Ганимеда

Квант М.
Сады Ганимеда

«Автор»

2026

М. К.

Сады Ганимеда / К. М. — «Автор», 2026

На спутнике Юпитера Ганимеде колонисты обнаруживают светящиеся растения, которые поют на ультразвуке. Агроном Илья Ковальчук понимает: это разумная форма жизни, питающаяся человеческими эмоциями, и страх делает её сильнее. Когда растения выходят из-под контроля и начинают захватывать станцию, экипаж вступает в отчаянную борьбу за выживание. Чтобы победить, людям придётся не только сражаться с внешней угрозой, но и преодолеть собственные страхи, научиться доверять друг другу и найти в себе силы остаться людьми перед лицом ужаса, который предлагает вечный покой ценой свободы.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шёпот в гидропонике	5
Глава 2. Пульс страха	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Квант М.

Сады Ганимеда

Глава 1. Шёпот в гидропонике

Тишина на Ганимеде никогда не была по-настоящему тихой. Она всегда была наполнена низким, утробным гулом систем жизнеобеспечения, шорохом вентиляции, доносящимся из-за панелей, и едва уловимым дрожанием палуб, по которым непрерывно циркулировала вода в замкнутых контурах станции. Но сегодня к этой привычной симфонии механического существования примешивалось нечто иное. Звук, который не мог породить ни один генератор.

Илья Ковальчук стоял босиком на холодном композитном полу своей каюты и, затаив дыхание, вслушивался. Звук был тихим, едва различимым на грани восприятия. Он шёл не из динамиков внутренней связи, не от переборок. Он словно просачивался сквозь саму материю станции, проникая в тело через ступни ног, через кончики пальцев, через позвоночник.

Это было похоже на пение.

Или, скорее, на далёкий хор, состоящий не из голосов, а из вибраций. Илья вспомнил древние записи буддийских монахов, которые он когда-то слышал на Земле, в музейном архиве звуков — их обертоновое пение создавало иллюзию, будто один человек издаёт несколько нот одновременно. Здесь же, в этом звуке, не было ни единого человеческого элемента. Он был чуждым, и оттого мороз пробегал по коже, несмотря на то, что температура в каюте поддерживалась на комфортных двадцати двух градусах по Цельсию.

Илья медленно выдохнул, наблюдая, как лёгкое облачко пара на мгновение повисает перед его губами и исчезает. Иллюминатор был задёрнут плотной шторкой, но он знал, что за ним — чернильная темнота внешнего пространства, усеянная немигающими точками звёзд, среди которых угадывался гигантский, полосатый лик Юпитера. Планета-хозяин, вечно наблюдающий за своим спутником.

Он подошёл к маленькому столику, на котором тускло светился экран коммуникатора. Экран показывал три часа ночи по станционному времени. Цикл «ночь» был в самом разгаре, и большинство из двадцати четырёх колонистов базы «Новый Рассвет» должны были спать. Илья не спал. Как и всегда в последнее время. Сон стал роскошью, которую он не мог себе позволить, не после того, как его сны начали заполняться этим звуком.

Он снова прислушался. Пение то усиливалось, то затихало, пульсируя в такт какому-то неведомому, неспешному ритму. Казалось, будто само пространство вокруг него вибрировало, будто стены, пол и потолок были не мёртвыми конструкциями, а натянутой кожей некоего колоссального живого инструмента.

Илья был агрономом. И он знал, что этот звук — не галлюцинация. За последние два месяца он слышал его всё чаще и чаще. Сначала — только в оранжерее, среди грядок. Потом — в лабораторном отсеке. Теперь — в собственной каюте. Звук распространялся, как распространялось то, что его порождало.

Растения.

Он резким движением застегнул комбинезон, натянул мягкие ботинки и выскользнул в коридор. Свет в коридоре был притушен до минимума — ночной режим экономии энергии. Длинная труба коридора уходила вдаль, изгибаясь вместе с кольцевой структурой базы, и была пуста. Лишь вдалеке, у развилки, ведущей к медицинскому отсеку, мерцал индикатор дежурной панели.

Илья двинулся в противоположную сторону, к шлюзовому переходу, соединяющему жилой модуль с агротехническим блоком. Его шаги гулко отдавались в пустом коридоре, и

каждый шаг, казалось, потревожил невидимые струны, разнося вибрацию по всей конструкции. Пение стало немного громче. Или ему так казалось?

Шлюзовая дверь разъехалась в стороны с тихим шипением пневматики, и его обдало волной влажного, тёплого воздуха, насыщенного кислородом. Пахло пресной зеленью, сырой землёй и чем-то ещё, что Илья не мог идентифицировать. Этот запах появился недавно, вместе с усилением пения. Он напоминал запах озона после грозы, но с примесью сладковатого, приторного аромата, как у перезрелых тропических цветов.

Оранжерея была его царством. Огромный купол, расположенный в отдельном секторе базы, был главным источником продовольствия и кислорода для всей колонии. Здесь, под прозрачным нанопокрытием, питаемым хитроумной системой зеркал, улавливающих скудные лучи далёкого Солнца, и дублируемым лампами полного спектра, выращивались культуры, которые должны были обеспечить выживание человечества на этой ледяной луне. Картофель, салат, томаты, пшеница, соя — аккуратные ряды грядок, гидропонные установки, капельный полив. Всё было продумано, выверено, автоматизировано.

Но не всё шло по плану.

В ту ночь, когда доктор Хига обнаружил первые образцы в трещине на поверхности, никто не мог предположить, во что это выльется. Это было открытие века. Инопланетная флора. Криптокристаллические структуры в сочетании с органикой, способные к фотосинтезу в экстремальных условиях. Находка была сенсацией. Хига назвал их «Светящиеся веретёнца», потому что под воздействием ультрафиолета они начинали испускать мягкое, бирюзовое сияние.

Илья тогда был первым, кто заметил, что помимо света они издают ещё и ультразвук. Вернее, не он сам, а его оборудование. Спектрограф, настроенный на анализ акустических колебаний в тканях растений, вдруг зафиксировал чёткий, повторяющийся паттерн на частоте сорок килогерц. Это было выше порога человеческого слуха. Но вот что странно: со временем, по мере того, как растения адаптировались к условиям оранжереи, их частота начала меняться. Она поползла вниз.

Теперь Илья слышал их без всяких приборов.

Он ступил на металлический решётчатый настил, огибающий основные грядки, и замер. В центре купола, там, где обычно проводились смены и выставлялись контейнеры с рассадой, он увидел нечто, заставившее его остановиться.

Ультрафиолетовые лампы были выключены, лишь аварийное освещение отбрасывало длинные, тусклые тени. Но даже этого света было достаточно, чтобы разглядеть, как изменился его сад. Растения, те самые «веретёнца», которые всё это время содержались в изолированном карантинном боксе за двойным стеклом, теперь находились повсюду. Они словно перетекли за пределы своих границ, распространившись по всему куполу. Их длинные, нитевидные стебли, переливающиеся бирюзовым и серебристым, оплетали трубы орошения, обвивали опоры ламп, стелились по полу, как светящиеся реки.

И самое ужасающее — они проросли в гидропонные секции с земными культурами. Пшеница, которая ещё вчера стояла ровными золотистыми колоннами, теперь была перевита этими светящимися нитями так плотно, что напоминала коконы. Салат и томаты, словно задушенные, едва виднелись из-под сплошного ковра чужой растительности.

— Проклятье... — прошептал Илья, и его голос, подхваченный акустикой купола, разнёсся вокруг, смешиваясь с пением.

Пение стало громче. Оно шло со всех сторон, отовсюду. Тысячи, миллионы микроскопических источников звука сливались в единый аккорд, который, казалось, проникал прямо в мозг, минуя уши. Илья почувствовал, как вибрируют его глазные яблоки, как дрожит диафрагма.

Он сделал шаг вперёд, к ближайшей гидропонной секции, и присел на корточки. Пришвырнувшись, он увидел, что чужеродные растения не просто оплетают земные культуры. Они проникали в них. Тончайшие, как паутина, отростки пробивались сквозь стебли и листья, устанавливая глубокую, интимную связь. Создавалось впечатление, будто они не конкурируют за ресурсы, а... обнимают. Изучают. Пробуют на вкус.

— Чего вы хотите? — спросил он вслух, и сразу же почувствовал себя глупо. Разговаривать с растениями было уделом сумасшедших или слишком одиноких колонистов. Илья, по правде, был и тем, и другим.

Ответом ему стало лёгкое покалывание в кончиках пальцев. Один из отростков, самый яркий, тянулся к нему сквозь решётку настила. Илья отдернул руку, сердце забилось быстрее.

Он вспомнил отчёт Хига. Доктор настаивал на полной стерилизации. Его поддерживали половина совета. Вторая половина, во главе с главным инженером Ростовцевым, упирала на научную ценность и потенциальную пользу. Светящиеся, поющие растения — это могло стать ключом к терраформированию, к новому источнику пищи, к чему угодно. Илья и сам тогда проголосовал за сохранение образцов. Наука важнее. Но наука, как известно, требует жертв.

Первой жертвой стал не человек. Первой жертвой стал покой.

Спустя две недели после первого появления «веретёнец» в оранжерее, на базе начались странности. У людей менялось настроение. Всё чаще стали вспыхивать ссоры на пустом месте. Люди становились раздражительными, подозрительными. Дежурные жаловались на бессонницу и кошмары. А затем пришёл страх.

Это началось с маленького техника Виталика, который отвечал за северный радиационный щит. Однажды ночью он ворвался в общий зал с воплями о том, что за ним следят. Его глаза были безумны, зрачки расширены, лицо искажено гримасой ужаса. Он говорил, что слышит голоса в стенах, что они зовут его, что они хотят, чтобы он «присоединился». Его отправили в лазарет, к Хига. Доктор диагностировал у него острую параноидальную реакцию, возможно, вызванную переутомлением и длительным пребыванием в замкнутом пространстве. Но Виталик не был переутомлён. Он был здоров, как бык, и всегда отличался весёлым нравом.

Потом была Мария из гидропоники, которая стала панически бояться воды. Она не могла заставить себя даже умыться, не говоря уже о том, чтобы обслуживать системы орошения. Она плакала и забивалась в угол, когда видела, как вода течёт по трубам.

А вчера сам Ростовцев, человек, который никогда не повышал голоса и славился своим стальным спокойствием, вдруг сорвался на Илью во время осмотра. Кричал, что его «душат эти чёртовы стены», что он не может больше находиться в этой «светящейся могиле».

И каждый раз, когда происходили эти вспышки, пение, этот гипнотический, вибрирующий хор, становился громче. Казалось, он питался этим. Страхом. Паникой. Негативом.

Илья поднялся и двинулся дальше, в глубину купола. Ему нужно было добраться до карантинного бокса, к центру всего этого безумия. Его шаги были всё более осторожными, потому что теперь он шёл по сплошному ковру из переплетённых бирюзовых нитей. Они слегка пружинили под ногами, и от каждого прикосновения по ковру расходились волны свечения, словно от брошенного в воду камня.

— Ты проснулся, — раздался тихий голос у него за спиной.

Илья вздрогнул так, что едва не упал. Он резко обернулся. В проёме входа в оранжерею стояла доктор Хига. Она не шевелилась, лишь смотрела на него своими тёмными, глубоко посаженными глазами. На ней был её обычный серый комбинезон без знаков различия и старенькие тапочки, которые она носила всегда, чтобы не беспокоить грохотом «эту звенящую тишину», как она выражалась.

— Доктор... — выдохнул Илья, пытаясь унять сердцебиение. — Вы меня напугали.

— Это не я тебя напугала, — медленно произнесла Хига. — Это ты напуган. Я чувствую это.

Хига была странной женщиной. Биолог, специалист по астроботанике, она провела на станции больше всех, если не считать первого состава. Она всегда говорила об эмоциях, как о чём-то материальном, осязаемом. Илья подозревал, что она сама была не совсем в ладах с рассудком, но её профессионализм был безупречен.

— Что вы здесь делаете в такое время? — спросил Илья.

— То же, что и ты, — она обвела рукой купол. — Изучаю. Наблюдаю. Они сегодня особенно активны.

— Вы слышите их?

— Слышу. Ультразвук, к которому адаптировался мой слух за долгие годы. Но теперь это нечто большее, чем звук. Это вибрация, которая проникает в кости. Я буквально ощущаю их «настроение». Сейчас они возбуждены. Любопытны. Они чувствуют твой страх, Илья. Им это нравится.

Илья сглотнул. — Мой страх? Я не боюсь.

— Ложь. Страх — это химия. Гормоны. Адреналин, кортизол, норадреналин. Они распознают эти вещества так же, как мы распознаём запах свежей выпечки. Ты сам говорил, что их метаболизм основан на реакции с азотистыми соединениями. Но что, если они способны усваивать и другие соединения? Например, феромоны, которые выделяет человеческое тело в состоянии стресса.

Илья нахмурился. Это была безумная гипотеза. Но в последнее время все гипотезы казались безумными.

— Посмотри, — Хига указала на одну из нитей, которая прямо у них на глазах начинала изгибаться, извиваться, словно змея, приподнимаясь над полом. Она тянулась к Илье. — Они реагируют. Твоё присутствие — это стимул. Твоя биохимия — это для них питание, информация, ключ.

— Что вы предлагаете? — Илья отступил на шаг, стараясь не наступать на светящиеся волокна.

— Ничего. — Хига вдруг улыбнулась. Улыбка вышла неживой, вымученной. — Я предлагаю только смотреть и слушать. Пытаться понять. Мы столкнулись не с бессмысленной растительностью. Это... коллективный разум. Сеть. Огромный, распределённый мозг, раскинувшийся по всему спутнику. И он пытается с нами говорить. Вопрос только — на каком языке?

— Вы говорите так, будто они разумны, — пробормотал Илья.

— А разве нет? Посмотри на их поведение. Они исследуют нас, изучают нашу физиологию. Они знают, как мы устроены. Они реагируют на наши эмоции, на наш страх. Наш страх — это их вход в наш мир.

— Вход для чего?

— Для «лечения», — тихо сказала Хига. — Я думаю, они пытаются нас вылечить.

Это слово эхом разнеслось по куполу, и на мгновение пение стало громче, словно растения услышали и одобрили его. Илья почувствовал, как его сердце заколотилось с новой силой. «Вылечить». Это звучало благостно. Но почему тогда от этого слова веяло могильным холодом?

— От чего вылечить? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— От того, что они воспринимают как болезнь. От хаоса. От негатива. От страха. От боли. Они хотят избавить нас от страданий, Илья. Навсегда.

В её голосе не было ни иронии, ни сомнения. Она говорила это, как диагноз. И от этого становилось ещё страшнее.

— А что они предлагают взамен? — тихо спросил Илья.

— Спокойствие. — Хига посмотрела на него. — Абсолютное, вечное спокойствие. Вегетативное состояние. Катарсис. Растворение в их сети.

В куполе повисла тишина. Даже пение, казалось, затихло, ожидая развития событий. Илья смотрел на доктора, на её бесстрастное лицо, на её руки, которые безвольно висели вдоль тела, и на подол её комбинезона, который уже начал обрастать тонкими, светящимися волокнами. Они оплетали её ноги, как плющ оплетает старую стену, медленно, но неумолимо.

— Хига... — начал он, но она перебила его.

— Ты должен увидеть, что они сделали с образцом. Пойдём.

Она повернулась и пошла вглубь купола, к карантинному боксу. Илья, колебавшись мгновение, последовал за ней. Он не мог оставить её одну в этом месте. И, кроме того, он сам хотел увидеть.

Они подошли к двери, ведущей в карантинный отсек. Стекло, из которого были сделаны стены, было покрыто изнутри какой-то туманной плёнкой, светящейся изнутри. Сквозь неё угадывались очертания чего-то большого, колышущегося.

Хига приложила ладонь к замку. Дверь скользнула в сторону, и изнутри пахло уже не просто запахом озона и цветов. Это был запах разложения, смешанный с ароматом свежести. Запах компоста и нарождающейся жизни одновременно.

Внутри, посреди бокса, стояла фигура. Или то, что когда-то было фигурой. Илья не сразу понял, что это человек. Существо было почти полностью покрыто слоем светящейся растительности. Оно стояло на коленях, голова запрокинута назад, рот открыт. Из рта, из глазниц, из ушей росли те самые бирюзовые нити, которые вибрировали, пели, мерцали. Одежда истлела, превратившись в перегной, питающий корни. Кожа была бледной, восковой, но на ней, словно румянец, проступали капилляры чужой растительной сети.

— Это... это же Виталик! — Илья попятился, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Он был в лазарете! Мы отправили его к вам!

— Виталик был слишком напуган, — спокойно сказала Хига. — Его мозг не выдержал. Он убежал. И сам пришёл сюда. Они его успокоили. Они вылечили его.

— Вылечили?! — Илья почти кричал. — Вы называете это лечением?! Он же... он же мёртв! Он растение!

— Он не мёртв. — Хига подошла к фигуре и ласково погладила её по светящейся голове. — Его сознание всё ещё здесь. Оно растворено в сети. Он — часть их. Часть целого. Смотри, как он спокоен. Как умиротворён.

Илья смотрел на останки Виталика, и его разум отказывался принимать увиденное. Это не было умиротворение. Это была смерть. Захват. Порабощение. Но самым страшным было то, что пение, вибрация, этот хор голосов — он стал громче. И в нём, в этой какофонии, Илья теперь различал новые нотки. Это был человеческий голос. Крик. Но не крик боли или ужаса. Это был крик восторга, экстаза, как будто человек, который кричал, сливался с чем-то огромным и прекрасным.

— Они используют его, — прошептал Илья. — Они превратили его в ретранслятор. Усилитель. Чтобы быстрее добраться до нас.

— Это их способ общения, — сказала Хига. — Через нас. Они изучают наш спектр эмоций, находят уязвимости. Страх — их главный инструмент. Они усиливают его, чтобы затем... убрать. Совсем. Навсегда. И тогда остаётся только покой. Вечный покой.

Илья резко развернулся и бросился вон из карантинного бокса. Его ноги несли его прочь от этого кошмара, прочь от Хига, которая, казалось, вот-вот сама готова была присоединиться к своему пациенту. Он бежал по ковру из светящихся нитей, и они, словно щупальца, тянулись к нему, цеплялись за ботинки, за штаны, стремились ужалить, проникнуть внутрь.

Паника захлёстывала его. Он чувствовал, как сердце выскакивает из груди, как воздух со свистом вырывается из лёгких. И по мере того, как страх захлёстывал его, растения активизировались. Они словно пировали, купались в волнах его ужаса. Пение превратилось в оглуши-

тельный рёв, звучащий на пределе восприятия. Свет стал ярче, превращая купол в безумную, пульсирующую световую инсталляцию.

Наконец он выбежал в коридор и закрыл за собой шлюзовую дверь. Прислонился к холодной стене, тяжело дыша, пытаясь восстановить контроль над собой. Руки дрожали. Ноги подкашивались.

— Нет, — прошептал он, глотая воздух. — Нет, нет, нет...

Он понимал, что нужно бежать дальше, будить людей, поднимать тревогу. Но тело не слушалось. Его сковывал ледяной ужас. Ужас не только перед увиденным. Ужас перед пониманием.

Единственный способ выжить — не чувствовать ничего.

Эта мысль была как удар молнии. Они питаются страхом. Любая негативная эмоция — их пища. А страх — самая концентрированная. Если он сможет успокоиться, взять себя в руки, они потеряют к нему интерес. Но как можно успокоиться, когда твой мир рушится? Как можно не бояться, когда сама станция превращается в одну гигантскую ловушку?

И вдруг он понял, что тишина в коридоре стала абсолютной. Пение прекратилось. Не было ни вибрации, ни гула. Только лёгкий шум вентиляции. Растения замолчали. Они ждали. Они изучали его. Они знали, что он здесь, снаружи, и они давали ему время. Время осознать своё положение. Время испугаться ещё сильнее.

Они играли с ним.

И тогда Илья Ковальчук заставил себя подняться. Он сделал глубокий вдох, потом ещё один. Он попытался вспомнить техники дыхания, которым учил его старый инструктор по выживанию ещё на подготовке на Земле. Медленный вдох. Задержка. Медленный выдох. Контроль над пульсом. Контроль над мыслями.

— Я не твой, — сказал он вслух, глядя на закрытую дверь оранжереи. — Слышишь? Я не твой.

Он не знал, слышат ли они его. Но в этот момент ему стало немного легче. Совсем чуть-чуть. Достаточно, чтобы сделать первый шаг к жилому модулю.

Но прежде, чем он повернулся, краем глаза он уловил движение. Из-под двери оранжереи, из микроскопического зазора, в коридор просочилась тонкая, светящаяся нить. Она была толщиной с паутинку, но тянулась к нему, как живое существо, следуя за его дыханием, за его теплом, за его страхом.

Илья отпрыгнул назад и быстрым шагом, срываясь на бег, помчался по коридору. За его спиной, в глубине агротехнического блока, вновь начинало разгораться бирюзовое зарево.

Он бежал, а за его спиной, словно из далёкого сна, доносился тихий, убаюкивающий, и оттого ещё более жуткий, шепчущий хор. Растения снова пели. И в их песне Илье теперь слышалось его собственное имя.

Они знали его. Они звали его. Они хотели, чтобы он вернулся. Коридор жилого модуля встретил его неестественной, звенящей пустотой. Казалось, сам воздух сгустился, стал вязким, словно перед грозой, и каждый вдох давался с трудом. Илья бежал, не оглядываясь, но спиной чувствовал, как из-за двери агротехнического блока, которую он так поспешно захлопнул, продолжает сочиться бледно-бирюзовое свечение. Оно не было ярким, нет. Оно было каким-то вкрадчивым, ползучим, как туман, который стелется по земле, отыскивая малейшие щели.

Его ботинки гулко стучали по решётчатому настилу, и этот звук разносился по пустым переходам, отскакивая от стен и возвращаясь к нему искажённым эхом. Ему чудилось, что эхо шепчет его имя, растягивая слоги, пробуя их на вкус. «И-и-лья-а-а...» — вздыхал коридор, и от этого волосы на затылке вставали дыбом.

Он остановился у развилки, ведущей к жилым отсекам, и, тяжело дыша, прижался лбом к холодной стене. Металл обжёг кожу, отрезвляя, возвращая в реальность. Нужно было думать.

Но мысли, словно испуганные рыбы, метались в голове, не желая выстраиваться в логическую цепочку.

Виталик. Он снова увидел перед собой эту жуткую картину: коленопреклонённая фигура, запрокинутая голова, светящиеся нити, растущие из глазниц и рта. И доктор Хига, глядящая эту голову, как мать гладит больного ребёнка. Она назвала это лечением. Лечением от страха.

Илья сглотнул подступивший к горлу комок. Ему нужно было добраться до остальных. До Ростовцева, до инженеров, до всех, кто ещё оставался в здравом уме. Если, конечно, на станции ещё оставались здравомыслящие люди.

Он оттолкнулся от стены и заставил себя идти. Медленно, размеренно, подавляя желание снова сорваться на бег. Потому что бег означал панику. А паника означала страх. А страх был их пищей. Он не знал, насколько это осознанное решение, а насколько — инстинкт самосохранения, но он понимал: если сейчас он позволит себе испугаться по-настоящему, если даст волю тому ледяному ужасу, который уже скрёбся где-то в груди, всё будет кончено. Они придут за ним. Они уже знают его имя.

«И-и-лья-а-а...» — снова прошелестело в вентиляции, и он вздрогнул, но не остановился.

Жилой отсек представлял собой длинный ряд одинаковых дверей, ведущих в небольшие каюты. Здесь было темно, горели лишь тусклые лампы аварийного освещения, отбрасывавшие на пол мутные жёлтые пятна. Илья подошёл к двери каюты Ростовцева и, поколебавшись мгновение, нажал кнопку вызова.

Тишина. Он нажал ещё раз, уже настойчивее.

— Кого там черти принесли? — раздался хриплый, недовольный голос из-за двери.

— Это Ковальчук. Откройте, Алексей Дмитриевич. Это срочно.

За дверью послышалась возня, потом щелчок замка, и створка скользнула в сторону. На пороге, шурясь от света, стоял Ростовцев. Высокий, кряжистый мужчина лет пятидесяти с лишним, с вечно взъерошенными седыми волосами и тяжёлым, испытующим взглядом. Его лицо было помятым, на щеках пробивалась седая щетина, а под глазами залегли глубокие тени. Видно было, что спал он плохо, если вообще спал.

— Ты что, с оранжереи? — спросил он, окидывая Илью быстрым взглядом. — На тебе лица нет.

— Можно войти? — Илья нервно оглянулся на коридор. Ему казалось, что за ним кто-то наблюдает. Что из каждой тени, из каждой вентиляционной решётки на него устремлены невидимые глаза.

Ростовцев посторонился, пропуская его внутрь, и закрыл дверь. В каюте главного инженера было так же тесно, как и в каюте самого Ильи. Стандартный набор: узкая койка, застеленная серым одеялом, маленький столик, заваленный планшетами и распечатками, пара шкафчиков, тусклый плафон под потолком. На стене висела фотография Земли — единственное цветное пятно во всём помещении. Голубая планета, снятая с орбиты, казалась чем-то нереальным, далёким, почти забытым.

— Ну, говори, — Ростовцев сел на койку и уставился на Илью. — Что там у тебя стряслось? Опять твои сорняки расплодились?

Илья глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Как рассказать о том, что он увидел? Как объяснить человеку, который всегда был оплотом рациональности и здравого смысла, что на станции происходит нечто, выходящее за рамки не только науки, но и самого здравого рассудка?

— Алексей Дмитриевич, — начал он, стараясь говорить спокойно. — Я только что был в оранжерее. Там... там всё изменилось. Растения вырвались из карантинного бокса. Они распространились по всему куполу. Они оплели все грядки, все трубы, все конструкции. Это не просто сорняки. Это что-то другое.

Ростовцев слушал его молча, не перебивая, лишь слегка прищурился. Его лицо было непроницаемым, но Илья заметил, как дёрнулся мускул на его щеке.

— И что же это, по-твоему? — спросил он, наконец.

— Я не знаю. Но они... они реагируют на эмоции. На страх. Они питаются им. Они усиливают его. Я видел это собственными глазами.

— Питаются страхом, — медленно повторил Ростовцев, словно пробуя эти слова на вкус. — Ковальчук, ты сам-то себя слышишь? Ты говоришь, как безумец. Как те, кого мы уже отправили в лазарет.

— Виталик мёртв, — тихо, но отчётливо произнёс Илья. — Он в карантинном боксе. Вернее, то, что от него осталось. Растения... они проросли в него. Они используют его как ретранслятор. Как усилитель. И Хига... она знала. Она была там. Она сказала, что они пытаются нас вылечить.

Ростовцев резко поднялся с койки. Его глаза расширились, в них мелькнуло что-то похожее на ужас, но он быстро взял себя в руки.

— Хига? — переспросил он. — Она была в оранжерее? Ночью?

— Да. Она стояла рядом с Виталиком. Она говорила с растениями. Она считает, что они разумны. Что это коллективный разум, и он пытается избавить нас от страданий, превращая в... в нечто среднее между человеком и растением.

В каюте повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Слышно было, как где-то в стенах гудит вентиляция, как тикает невидимый хронометр на панели у двери. Илья смотрел на Ростовцева и видел, как тот борется с собой, пытаясь уложить услышанное в рамки своего инженерного, логического мышления.

— Это безумие, — наконец выдавил он. — Полное безумие. Мы должны немедленно поднять тревогу. Разбудить всех. Сообщить на Землю.

— Вы думаете, нам поверят? — горько усмехнулся Илья. — Связь с Землёй работает с перебоями уже неделю. А даже если и дозвонимся, что мы скажем? Что наши растения поют на ультразвуке и питаются страхом? Нас примут за сумасшедших.

— Пусть принимают за кого хотят! — рявкнул Ростовцев. — Но мы не можем просто сидеть и ждать, пока эти твари сожрут нас всех! Надо что-то делать! Хотя бы попытаться изолировать оранжерею!

— Уже поздно, — Илья покачал головой. — Они не только в оранжерее. Отросток проник в коридор. Я видел его. Они распространяются по всей станции. Через вентиляцию, через системы водоснабжения, через микротрещины в переборках. Они везде.

Ростовцев сжал кулаки. Его лицо побагровело, на лбу вздулись вены.

— Значит, нужно уничтожить их в зародыше! — прорычал он. — Отключить оранжерею. Отрезать её от остальных систем. Поджечь, в конце концов! Есть аварийные протоколы на этот случай!

— А вы уверены, что огонь их остановит? — спросил Илья. — Вы не видели их. Они не просто растения. Они... они как сеть. Как нервная система. Если повредить один участок, остальные мгновенно отреагируют. Они могут стать агрессивнее. А если они почувствуют угрозу, их реакция может быть непредсказуемой.

— Плевать! — Ростовцев схватил со стола планшет и начал лихорадочно листать какие-то схемы. — У нас есть аварийные запоры на каждом модуле. Можно перекрыть все проходы, ведущие к оранжерее. Потом — запустить систему пожаротушения с отравляющим агентом. Да, это убьёт весь урожай, но...

Он осёкся, потому что в коридоре, за дверью каюты, раздался звук.

Это был не стук и не шорох. Это было пение. То самое ультразвуковое гудение, но теперь оно звучало гораздо ниже, чем раньше, почти в слышимом диапазоне. Оно проникало сквозь стены, сквозь закрытую дверь, словно смеясь над всеми преградами.

Илья и Ростовцев замерли, глядя друг на друга. Пение становилось громче. К нему при­мешивались новые оттенки — высокие, звенящие ноты, похожие на перезвон крошечных коло­кольчиков, и низкие, вибрирующие, как гул далёкого водопада.

— Они здесь, — прошептал Илья. — Они уже проникли в жилой модуль.

Ростовцев шагнул к двери и приложил ухо к её поверхности. Его лицо исказилось, в гла­зах мелькнул неподдельный страх. Впервые за всё время он выглядел по-настоящему напуган­ным.

— Что за чёрт... — выдохнул он. — Они поют... я слышу голоса... они зовут меня...

Он отпрянул от двери, тяжело дыша. Его руки тряслись, планшет выскользнул из пальцев и с глухим стуком упал на пол.

— Ростовцев, возьмите себя в руки! — Илья схватил его за плечи и встряхнул. — Не поддавайтесь! Они питаются вашим страхом! Вы только усиливаете их!

— Я не боюсь! — прорычал Ростовцев, но голос его сорвался. — Я просто... я не пони­маю, как это возможно...

— Никто не понимает. Но если мы дадим волю панике, мы погибли. Вы слышите меня? Мы должны сохранять спокойствие. Любой ценой. Это единственный способ бороться.

Ростовцев посмотрел на него безумными глазами, но постепенно его дыхание выровня­лось. Он несколько раз глубоко вздохнул, затем медленно опустил­ся на корточки и поднял планшет.

— Ты прав, — сказал он уже тише. — Ты прав, чёрт возьми. Мы должны действовать хладнокровно.

Пение за дверью стихло. Оно не исчезло совсем, но стало тише, словно откатилось назад, выжидая. Илья прислушался. Ему показалось, что он различает в этих звуках разочарование. Растения недовольны. Они ждали большего. Они ждали, что их песня вызовет панику, а люди устояли.

— Они отступают, — сказал Илья. — Пока отступают.

— Или затаились, — мрачно добавил Ростовцев. — Знаешь, что самое страшное? Они умнее, чем мы думаем. Если они действительно чувствуют эмоции, то они будут играть на наших слабостях. На наших страхах. Они будут давить на каждого индивидуально.

— Значит, мы должны предупредить остальных. Пока не поздно.

Ростовцев кивнул и поднялся. Он был всё ещё бледен, но в его глазах снова появилась та стальная решимость, которая отличала его как руководителя.

— Идём в общий зал. Там соберём всех, кто ещё способен соображать. Объявим общее собрание. Без паники, без истерик. Просто объясним ситуацию.

— Вы уверены, что это хорошая идея? — усомнился Илья. — Если мы скажем им правду, половина ударится в панику. А паника — это то, чего они ждут.

— А если мы им не скажем, они всё равно поймут, что что-то не так. Лучше контроли­руемая правда, чем неуправляемые слухи. Пошли.

Они вышли в коридор. Здесь было тихо. Лишь где-то вдали, за поворотом, едва слышно гудела вентиляция. Пение стихло, но Илья чувствовал, что это затишье обманчиво. Растения были повсюду. Он кожей ощущал их присутствие, как ощущают дыхание хищника в темноте, даже не видя его.

В общем зале царил полумрак. Большой круглый стол, окружённый креслами, был пуст. На стенах висели экраны, сейчас погашенные. В углу мигал индикатор системы связи. Илья подошёл к панели и включил основное освещение. Яркий белый свет залил помещение, заста­вив его сощуриться.

— Нужно разбудить людей, — сказал Ростовцев, подходя к терминалу внутренней связи. — Я объявлю общий сбор.

— Подождите, — остановил его Илья. — Может, сначала осмотримся? Проверим, не проникли ли они сюда?

Ростовцев задумался на мгновение, затем кивнул.

— Разумно. Проверь углы. А я посмотрю системы контроля.

Илья медленно обошёл зал по периметру, внимательно вглядываясь в каждый угол, в каждую щель. Вроде бы ничего необычного. Но он заметил кое-что, отчего его сердце снова сжалось: из вентиляционной решётки под потолком свисала тонкая, едва заметная нить. Она была полупрозрачной, мерцающей, и медленно покачивалась, словно ощупывая воздух.

— Ростовцев, — тихо позвал он. — Посмотрите вверх.

Главный инженер поднял голову и побледнел.

— Твою ж... — прошептал он. — Они уже здесь.

Нить, словно почувствовав внимание к себе, замерла. Потом начала медленно вытягиваться обратно в решётку, растворяясь в темноте вентиляционного канала.

— Они слышат нас, — сказал Илья. — Они понимают, что мы их обнаружили.

— Значит, времени у нас ещё меньше, чем я думал, — Ростовцев решительно нажал кнопку на терминале. — Внимание всему персоналу! — разнёсся его голос по динамикам внутренней связи. — Говорит главный инженер Ростовцев. Прошу всех сохранять спокойствие и собраться в общем зале через десять минут. Повторяю: всем собраться в общем зале. Это не учебная тревога. Это срочно.

Он отпустил кнопку и выдохнул.

— Ну вот. Теперь остаётся только ждать.

— И надеяться, что все ещё способны прийти, — добавил Илья, не сводя глаз с вентиляционной решётки.

Прошло несколько томительных минут. Постепенно в зал начали подтягиваться люди. Сонные, растрёпанные, встревоженные. Каждый из них нёс на себе печать последних недель — тёмные круги под глазами, дёргающиеся лица, быстрые, испуганные взгляды. Всего собралось одиннадцать человек из двадцати четырёх. Остальные либо не слышали, либо не смогли прийти. Либо уже не были людьми.

Илья вглядывался в лица. Вот инженер-механик Сато, с его вечно спокойным, почти отрешённым выражением. Вот Надежда, молоденькая ассистентка из медицинского отсека, которая последние дни почти не выходила из своей каюты. Вот повар Ганс, толстый добродушный немец, который, казалось, был единственным, кто ещё умудрялся сохранять присутствие духа. Вот геолог Конев, хмурый, молчаливый, сжимающий в руке пустую кружку.

Не хватало многих. Не хватало Хига. И Виталика.

Ростовцев вышел в центр зала и поднял руку, призывая к тишине.

— Спасибо, что пришли, — начал он, стараясь говорить ровно. — У меня плохие новости. То, что происходит на станции в последние недели, — это не просто сбои в системах и не массовое переутомление. Это нечто гораздо более серьёзное.

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся.

— Как вы знаете, в оранжерее уже несколько месяцев находятся образцы местной флоры. Те самые «светящиеся веретёнца». Так вот... они вышли из-под контроля.

По залу прокатился ропот. Кто-то охнул, кто-то нервно рассмеялся.

— Что значит «вышли из-под контроля»? — спросил Сато. — Они что, разрослись?

— Более чем, — ответил Илья, выступая вперёд. — Они заполонили весь купол. Оплели все культуры. И они... они реагируют на человеческие эмоции. Особенно на страх.

— Это бред, — фыркнул Конев. — Растения не могут реагировать на эмоции. Они не разумны.

— А кто говорит, что это обычные растения? — Илья посмотрел ему прямо в глаза. — Это инопланетная форма жизни. Мы не знаем, на что они способны. Я видел своими глазами,

как они тянутся к человеку, который испытывает страх. Как они усиливают этот страх, пока человек не теряет рассудок. Виталик уже стал их жертвой.

— Что с Виталиком? — тихо спросила Надежда.

— Он мёртв, — жёстко сказал Илья. — Растения проникли в его тело. Они превратили его в... в часть себя.

Повисла мёртвая тишина. Люди переглядывались, не зная, верить ли услышанному. На их лицах Илья видел целую гамму эмоций: недоверие, потрясение, растущий ужас. И этот ужас был опасен. Он мог привлечь их. Тех, кто слушал из вентиляции.

— Значит, надо валить с этой станции! — вдруг выкрикнул Ганс. — У нас же есть эвакуационные капсулы! Чего мы ждём?

— Капсулы не рассчитаны на такое количество людей, — покачал головой Ростовцев. — И связь с Землёй нестабильна. Мы не можем просто улететь.

— Тогда надо сжечь эту дрянь! — предложил кто-то ещё.

— Мы рассматриваем все варианты, — вмешался Илья. — Но пока главное — не поддаваться панике. Они питаются страхом. Чем больше вы боитесь, тем сильнее они становятся.

— А как, по-твоему, нам не бояться?! — в отчаянии воскликнула Надежда. — Когда вокруг творится такое?

— Я понимаю, это трудно. Но другого выхода нет. Нужно держать эмоции под контролем. Холодная голова — наша единственная защита.

Его слова прозвучали в зале зловеще. Он сам понимал, насколько это звучит безнадёжно. Как можно заставить два десятка измученных, перепуганных людей не бояться, когда сам воздух вокруг них, кажется, наполнен угрозой?

И тут он заметил это.

Сначала лёгкое мерцание в углу, у самого пола. Затем — тонкие, светящиеся линии, проступившие сквозь микротрещины в напольном покрытии. Они были едва заметны, но Илья, наученный горьким опытом, увидел их сразу. Растения проникали в зал. Они уже были здесь, под полом, в стенах, в вентиляции. Они ждали.

И они слушали.

— Всем сохранять спокойствие, — повторил Илья, но его голос предательски дрогнул.

Он понял, что они проигрывают. Что все эти разговоры о контроле над эмоциями — лишь отсрочка. Потому что страх невозможно победить. Его можно лишь подавить на время. Но он всегда возвращается. Особенно когда тебя окружает нечто, чего ты не понимаешь и не можешь остановить.

Пение возобновилось. Теперь оно шло не из вентиляции, а, казалось, отовсюду разом — из стен, из пола, из самого воздуха. Оно было тихим, вкрадчивым, завораживающим. И в нём слышались голоса. Голоса тех, кого уже поглотили растения. Среди них Илья различил и голос Виталика. Тот пел вместе с хором, и в его пении не было ни боли, ни страха. Только покой. Бесконечный, всепоглощающий покой.

Люди в зале начали озиаться. Их страх, до того тлевший под спудом, вырвался наружу. Илья видел, как расширяются зрачки, как учащается дыхание, как напрягаются мышцы. Растения были здесь. Они наблюдали. И они были довольны.

Потому что страх, который они сейчас поглощали, был густым, как сироп, и сладким, как нектар.

Илья Ковальчук медленно отступил к двери. Ему нужно было бежать. Подальше отсюда. Куда-нибудь, где нет этих нитей, этого пения, этих голосов. Но он знал, что такого места на станции больше не существует.

Единственное, что он мог сделать, — это продолжать бороться. И надеяться, что когда-нибудь наступит момент, когда он перестанет чувствовать. Полностью. Навсегда.

И тогда, возможно, они оставят его в покое.

Но цена за этот покой была слишком высока. Это была цена человеческой души.

А Илья не был готов её платить. Пока не был.

Он выскользнул в коридор и быстрым шагом направился к своей каюте. За его спиной пение становилось громче. Оно наполняло станцию, как вода наполняет тонущий корабль. И в этом пении было обещание. Обещание вечного покоя. Того самого покоя, который не купишь за все сокровища Земли.

Илья знал: если он сейчас обернётся, то увидит, как из-под дверей, из вентиляционных решёток, из каждой щели ползут к нему светящиеся нити. Поэтому он не оборачивался. Он шёл вперёд, глядя только перед собой, и изо всех сил старался не думать о том, что ждёт его в конце пути.

А ждало его то, чего он боялся больше всего.

То, что он уже не был уверен в собственном рассудке.

И то, что где-то там, в глубине станции, среди переплетения бирюзовых стеблей и серебристых нитей, доктор Хига стояла на коленях и улыбалась. И её глаза, широко открытые, уже не видели ничего, кроме света. Того самого света, который теперь струился сквозь всю станцию, заливая её своим мертвенным, потусторонним сиянием.

Глава 2. Пульс страха

Каюта встретила Илью привычным полумраком и тишиной, которая, как он теперь понимал, была лишь иллюзией. Он закрыл за собой дверь, провернул механический замок, словно это могло остановить то, что просачивалось сквозь стены, и, не включая свет, опустился на пол возле койки. Спина упёрлась в холодную переборку. Ноги вытянулись вперёд. Руки безвольно легли на колени.

Он не знал, сколько времени провёл в этом положении. Минуты? Часы? Время на станции давно утратило свою привычную определённую. Оно то сжималось до липкой секунды, то растягивалось в бесконечность, как резиновая лента. Где-то за стенами, в недрах вентиляционных шахт, продолжала жить своей жизнью невидимая сеть. Илья чувствовал её. Не как звук, не как вибрацию, а как присутствие. Как взгляд, направленный в спину. Как дыхание за затылком.

«Они не отступят, — подумал он. — Они уже попробовали наш страх. Теперь они знают его вкус. Они будут давить снова и снова, пока кто-нибудь не сломается».

Он вспомнил лица людей в общем зале. Надежда, с её огромными, полными слёз глазами, в которых плескался животный ужас. Ганс, пытающийся шутить, но шутки выходили натянутыми, фальшивыми. Конев, сжимающий кружку так, словно это было последнее, что связывало его с реальностью. Все они были на грани. И Илья не знал, как помочь им, потому что сам был на той же грани, только с другой стороны.

Внезапно тишину разорвал резкий, пронзительный сигнал. Это был аварийный зуммер системы оповещения. Илья вздрогнул, сердце подпрыгнуло к горлу. Сигнал повторился — три коротких гудка, пауза, снова три. Это означало: «Общая тревога. Всему персоналу занять места согласно аварийному расписанию».

Он вскочил на ноги. В коридоре уже слышались торопливые шаги, чьи-то приглушённые голоса, отрывистые команды. Илья рывком распахнул дверь и выглянул наружу. Коридор был залит красным светом аварийных ламп, которые ритмично мигали, отбрасывая на стены длинные, дёргающиеся тени. Из жилых отсеков выбегали люди, полуодетые, испуганные, они спешили к центральному посту управления.

— Что случилось?! — крикнул Илья, перехватив за локоть пробежавшего мимо Сато.

— Не знаю! — отозвался тот, не останавливаясь. — Ростовцев что-то запустил! Говорят, утечка в шлюзе!

Илья нахмурился. Утечка в шлюзе? Это было серьёзно, но в данных обстоятельствах казалось почти банальным. Он бросился следом за Сато к центральному посту.

Зал управления был небольшим, заставленным пультами и экранами. Здесь уже толпились почти все, кто оставался в живых. Ростовцев стоял у главной консоли, его лицо было землисто-серым, на виске пульсировала жилка. Он лихорадочно нажимал на сенсорные панели, не отрывая взгляда от показаний.

— Проклятье! — рычал он. — Да что же это такое?!

— Докладывайте! — крикнул Илья, протискиваясь сквозь толпу.

Ростовцев поднял на него безумные глаза.

— Шлюз номер два! Внешняя створка открыта! Внутренняя держится на аварийных запорах, но давление в переходном отсеке падает. Если внутренняя не выдержит, весь модуль разгерметизируется!

— Кто открыл внешнюю створку? — Илья подошёл ближе, вглядываясь в показания датчиков.

— Никто! — Ростовцев ударил кулаком по краю консоли. — Она открылась сама! Точнее, её открыли извне!

— Извне? — не понял Илья. — Там же вакуум!

— Вот именно! — Ростовцев обернулся к нему. — Ты понимаешь, что это значит? Они добрались до внешней обшивки! Они ползут по корпусу станции! Они проникли в механизмы шлюза!

В зале повисла гробовая тишина. Даже аварийный зуммер, казалось, затих, потрясённый этой новостью. Растения, которые до сих пор были проблемой внутренних помещений, сумели выбраться наружу. В ледяной вакуум Ганимеда, где температура падала до минус ста семидесяти градусов по Цельсию, где не было воздуха, где царила убийственная радиация. Они выжили. Они приспособились. Они продолжали распространяться.

— Это невозможно, — прошептала Надежда. — Живые организмы не могут существовать в вакууме...

— Эти могут, — мрачно ответил Илья. — Мы видели их в трещине на поверхности. Они миллионы лет существовали в условиях, которые для нас смертельны. Космос для них — естественная среда.

— Мне плевать, где они могут существовать! — заорал Ростовцев. — Мне нужно закрыть эту чёртову створку, пока нас всех не вытянуло в космос!

Он снова склонился над консолью, лихорадочно перебирая команды. Илья видел, как трясутся его руки, как пот катится по лбу. Аварийные системы шлюза должны были сработать автоматически, но что-то мешало. Что-то блокировало исполнительные механизмы.

— Смотрите! — вдруг крикнул Конев, указывая на один из экранов.

Это была трансляция с камеры, установленной в переходном тамбуре шлюза. Камера работала в инфракрасном диапазоне, потому что обычное освещение в отсеке мигало и гасло. На экране было видно, как внутренняя дверь шлюза, массивная, стальная, с несколькими слоями уплотнителей, вздрагивает. По её поверхности ползли трещины. Нет, не трещины. Это были светящиеся нити. Они проникали сквозь мельчайшие зазоры, через кабельные вводы, через вентиляционные клапаны. Они обвивали запорные штыри, оплетали гидравлические цилиндры, прорастали в электронные блоки. И они тянулись к стыкам двери, словно пытаясь разорвать её изнутри.

— Они ломают шлюз, — прошептал Сато. — Они хотят открыть и внутреннюю створку.

— Зачем им это? — спросил Ганс, его голос дрожал. — Зачем им убивать нас?

— Они не убивают, — ответил Илья, не отрывая взгляда от экрана. — Они забирают. Превращают в себя. А для этого им нужно больше... материала. Больше тел.

— Но разгерметизация убьёт всех мгновенно! — возразила Надежда.

— Значит, они готовы рискнуть. Или им нужен не весь экипаж, а только часть. Или они просто не понимают, что такое мгновенная смерть. Для них смерть — это нечто иное.

Ростовцев вдруг издал яростный вопль и со всей силы ударил по консоли.

— Всё! — прохрипел он. — Ручное управление не отвечает! Аварийные приводы заблокированы! Эти твари парализовали всю систему!

— Можно попробовать перекрыть шлюз извне, — предложил Сато. — Выйти в скафандрах через резервный шлюз на другом конце модуля и добраться до шлюза номер два снаружи.

— Это самоубийство, — покачал головой Ростовцев. — Там, снаружи, они уже кишат. И радиация фонит. У нас нет времени.

— А если мы ничего не сделаем, у нас не будет и шанса! — крикнул Илья. — Сколько у нас времени до разгерметизации?

Ростовцев глянул на таймер.

— Судя по скорости падения давления в тамбуре, минут двадцать, не больше. Если внутренняя дверь не выдержит, весь жилой модуль затянет в вакуум за считанные секунды.

— Тогда не будем терять времени! — Илья решительно направился к выходу. — Сато, вы со мной. Мы попробуем добраться до шлюза снаружи. Ростовцев, продолжайте попытки восстановить управление.

— Ты рехнулся?! — Ростовцев преградил ему путь. — Ты же агроном, а не монтажник! Ты не умеешь работать в открытом космосе!

— Я умею надевать скафандр и следовать инструкциям. Этого достаточно.

— Я пойду с вами, — вдруг сказал Конев. — Я геолог, я проводил вылазки на поверхность. Я знаю, как там передвигаться.

Илья кивнул. — Хорошо. Чем больше рук, тем быстрее управимся.

— Я тоже пойду, — вызвался Ганс.

— Нет, — отрезал Илья. — Вы останьтесь с остальными. Если что-то пойдёт не так, нужно, чтобы кто-то мог поддерживать порядок.

Ганс не стал спорить. Он лишь перекрестился, что выглядело странно для человека, который, насколько знал Илья, никогда не был религиозен.

Они втроем вышли из зала управления и быстрым шагом направились к складу снаряжения. Коридор здесь был уже, потолок ниже, а стены покрыты кабелями и трубами. Красные аварийные лампы продолжали мигать, окрашивая всё в зловещие тона. Илья старался не думать о том, что происходит вокруг. Он сосредоточился на простой задаче: добраться до склада, надеть скафандр, выйти наружу и сделать то, что нужно. Шаг за шагом. Без паники. Без страха.

Но страх был повсюду. Он висел в воздухе, липкий, как испарения. Он просачивался из каждого угла, из каждой тени. Илья чувствовал, как его сердце снова начинает колотиться быстрее, как дыхание становится поверхностным. Он взглянул на своих спутников. Сато шёл молча, стиснув зубы, его лицо было бледным, но решительным. Конев, напротив, выглядел почти спокойным, но Илья заметил, что его руки сжаты в кулаки, а костяшки побелели.

Склад оказался незапертым. Внутри было холодно, пахло резиной и смазкой. Вдоль стен стояли стеллажи с оборудованием. В дальнем углу — три скафандра, тускло поблёскивающие в полумраке.

— Надевайте, — скомандовал Илья.

Они начали облачаться. Процесс был знаком до автоматизма, но в этот раз всё шло медленнее. Пальцы не слушались, застёжки цеплялись, ремешки путались. Илья помог Коневу закрепить шлем, затем проверил герметичность своего костюма. Системы скафандра тихо загудели, на забрале загорелись показатели.

— Связь? — спросил он в микрофон.

— Слышу тебя, — отозвался Сато. — Конев, как ты?

— Порядок. Канал чистый.

— Тогда выходим.

Они перешли в переходный тамбур резервного шлюза. Здесь было тесно, трое в скафандрах едва помещались. Илья нажал кнопку герметизации. Внутренняя дверь с шипением закрылась за ними, отрезая от жилого модуля. Теперь они были одни. В маленькой металлической коробке, за которой — только космос.

— Откачка воздуха, — объявил Сато, наблюдая за датчиками.

Насосы загудели, давление начало падать. Илья чувствовал, как скафандр слегка раздувается, компенсируя разницу. Прошла минута, другая. Наконец загорелся зелёный индикатор.

— Внешняя створка открывается, — сказал Конев.

Медленно, словно нехотя, массивная дверь перед ними поползла вверх. За ней была чернота. Абсолютная, непроглядная, усеянная лишь далёкими точками звёзд. Илья сделал шаг вперёд, на край обрыва, и на мгновение замер.

Он был снаружи. Впервые за долгое время он стоял на поверхности Ганимеда, не защищённый ничем, кроме тонкой оболочки скафандра. Под ногами — лёд, древний, как сама Сол-

нечная система. Над головой — Юпитер, огромный, полосатый, закрывающий собой полнеба. Его магнитное поле, невидимое, но смертоносное, пронизывало всё вокруг. Илья чувствовал его не кожей, а где-то на уровне инстинкта — как смутное, давящее беспокойство.

— Нам нужно вдоль корпуса, к шлюзу номер два, — сказал Сато, показывая направление.

Они двинулись по обшивке станции, цепляясь за поручни. Движения были замедленными, скафандры сковывали, а низкая гравитация Ганимеда делала каждый шаг похожим на полёт. Илья старался смотреть только вперёд, но краем глаза улавливал движение. Что-то скользило по поверхности льда, извивалось, переливалось. Светящиеся нити. Они были повсюду. Они покрывали корпус станции, словно гигантская паутина, опутывали антенны, солнечные панели, внешние камеры. И они шевелились.

— Видите? — прошептал Конев. — Они живые... даже здесь.

— Не отвлекайтесь, — резко сказал Илья. — Нам нужно добраться до шлюза.

Они продолжали путь. Расстояние до шлюза номер два было небольшим, но в этих условиях каждый метр давался с трудом. Лёд под ногами был неровным, местами покрытым трещинами. Илья поскользнулся, но Сато вовремя подхватил его. На мгновение они замерли, глядя друг на друга сквозь забрала шлемов. В глазах Сато Илья увидел тот же вопрос, который мучил его самого: «Зачем мы здесь? Что мы можем сделать против этого?»

Они добрались до шлюза номер два. Внешняя створка была открыта, зияя чёрным провалом. Изнутри, из переходного тамбура, исходило слабое бирюзовое свечение. Растения заполнили отсек, обвили механизмы, проникли в каждый угол. Их светящиеся тела пульсировали в такт какому-то внутреннему ритму.

— Вот они, — сказал Сато. — Теперь ясно, почему управление не работает. Они физически заблокировали всё.

— Как же мы их уберём? — спросил Конев. — У нас нет инструментов для такого...

— У нас есть руки, — ответил Илья. — Будем отрывать их. Резать, если получится. У меня в наборе есть аварийный плазменный нож.

Он достал из крепления на поясе небольшой инструмент, похожий на пистолет. Нажал кнопку, и с кончика вырвался короткий, ослепительно-белый луч. Плазма рассекала даже металл, что уж говорить о растительной ткани.

— Сато, прикройте меня. Конев, следите за внешним периметром. Если они попытаются атаковать — предупредите.

Они подошли к краю шлюза. Илья направил луч плазменного ножа на ближайшее сплетение нитей. Раздалось шипение, повалил пар, и растение содрогнулось. Оно не просто сгорело — оно отпрянуло, словно почувствовало боль. Другие нити вокруг зашевелились быстрее, начали извиваться, тянуться к людям.

— Они реагируют! — крикнул Конев. — Они знают, что мы здесь!

— Плевать! — Илья снова взмахнул ножом, перерезая очередной пучок. — Продолжаем!

Работа шла медленно. Растения были невероятно живучими. На месте перерезанных нитей тут же вырастали новые, ещё более толстые и агрессивные. Они обвивали ноги скафандров, пытались проникнуть в сочленения, в перчатки. Илья чувствовал, как они сжимаются, как усиливается давление на оболочку костюма.

— Илья, они лезут на тебя! — предупредил Сато.

Он попытался оторвать нити, но они лишь крепче обхватывали его запястья. Тогда Сато достал свой нож и начал резать. Плазма вспыхивала, отсекая светящиеся щупальца, но их было слишком много.

— Не получается! — крикнул Конев. — Их количество растёт! Они выползают из всех щелей!

Илья стиснул зубы. Нужно было не просто резать, а уничтожить источник. Где-то в глубине шлюза, в механизме внешней створки, должно было быть гнездо, откуда расползалась эта зараза. Он шагнул внутрь, прямо в бирюзовое сияние.

— Ты куда?! — Сато попытался удержать его.

— Найду корень! Не дайте им окружить меня!

Илья протискивался сквозь сплетения растений. Они были повсюду: на потолке, на стенах, на полу. Они вибрировали, издавая тот самый ультразвуковой гул, который теперь передавался через оболочку скафандра прямо в кости. Илье казалось, что он слышит их пение даже без акустического контакта, что оно звучит прямо у него в мозгу, минуя барабанные перепонки.

В глубине тамбура он увидел это. Массивный, пульсирующий узел, от которого во все стороны расходились толстые, как канаты, стебли. Узел был расположен прямо на блоке управления внешней створки. Он обхватил его, словно гигантское сердце, сжимающееся и разжимающееся в такт пению. Именно он блокировал механизмы.

— Вот ты где, — прошептал Илья и поднял нож.

Но в этот момент узел раскрылся, как цветок, явив взгляду нечто, что заставило Илью замереть. Внутри, среди светящихся лепестков, лежало лицо. Человеческое лицо. Знакомое. Это было лицо Хига.

Оно не было мёртвым. Глаза были открыты и смотрели прямо на Илью. Губы шевелились, складываясь в слова, которые он не мог слышать, но мог читать по губам.

«Не бойся».

Илья отшатнулся. Нож выпал из его пальцев, но был пойман страховочным тросом и повис в невесомости. Внутри него всё похолодело. Доктор Хига была здесь, в этом узле, вросшая в него, ставшая его частью. И она смотрела на него с выражением глубочайшего, всепоглощающего покоя.

— Илья! — раздался в наушниках голос Сато. — Что там у тебя?!

— Они... они здесь... — выдавил Илья. — Хига... она часть их...

— Что?! Уходи оттуда! Слышишь?! Уходи!

Но Илья не мог пошевелиться. Лицо Хиги гипнотизировало его. Её губы продолжали двигаться, и он, помимо воли, начал читать слова:

«Они не враги. Они — спасение. Присоединяйся. Здесь нет боли. Нет страха. Только покой».

Голос в его голове звучал так мягко, так убедительно. Он обещал избавление от всех мук, от всех сомнений. Илья почувствовал, как его рука сама тянется к светящемуся лицу, как пальцы в перчатке касаются холодной поверхности бирюзового лепестка.

— Нет! — выкрикнул он, вырываясь из оцепенения. — Нет, чёрт возьми!

Он схватил нож, вернул его в руку и с размаху вонзил плазменный луч прямо в центр узла. Раздался пронзительный, душераздирающий визг, который, казалось, проник сквозь шлем и разорвал мозг. Узел содрогнулся, затрепетал, из него хлынула какая-то светящаяся жидкость. Лицо Хиги исказилось, по нему пробежали судороги, и оно начало распадаться, таять, уходить вглубь, пока не исчезло полностью.

— Илья! Илья, ответь! — надрывался Сато.

— Я в порядке! — прохрипел Илья, вытаскивая нож. — Корень уничтожен! Внешняя створка... проверьте её!

— Она начинает закрываться! — сообщил Конев. — Механизмы ожили!

— Отлично. Тогда уходим. Сейчас же!

Они выбрались из шлюза. Растения вокруг были в агонии. Они извивались, корчились, их свечение то вспыхивало, то гасло. Илья, Сато и Конев, помогая друг другу, двинулись обратно к резервному шлюзу. Каждый шаг давался с трудом: ноги путались в умирающих нитях, ска-

фандры были покрыты липкой слизью, а в висках всё ещё звучал тот самый визг, который, казалось, не утихнет никогда.

Наконец они добрались. Внешняя створка резервного шлюза открылась, и они буквально ввалились внутрь. Началась откачка воздуха, в отсек пошёл кислород. Илья снял шлем, как только загорелся зелёный индикатор. Его лицо было мокрым от пота, дыхание тяжёлым, прерывистым.

— Мы выжили, — выдохнул Конев.

— Пока выжили, — поправил его Сато. — Но это было лишь одно сражение. Война продолжается.

Илья молчал. Он смотрел на свои руки, всё ещё сжимающие плазменный нож. Руки дрожали. Ему казалось, что они уже не принадлежат ему. Что они всё ещё там, в глубине шлюза, среди бирюзовых нитей, тянутся к лицу доктора Хига.

И он знал, что этот образ будет преследовать его до конца жизни. Если, конечно, жизнь продлится достаточно долго.

— Нужно идти к остальным, — сказал он наконец. — Рассказать, что произошло.

— Да, — кивнул Сато. — Но сначала... ты как?

— Я в порядке, — солгал Илья.

Они вышли из шлюза. В коридоре было тихо. Аварийные лампы больше не мигали, их сменил ровный, хотя и тусклый, свет. Значит, Ростовцев восстановил энергоснабжение. Или, по крайней мере, стабилизировал его.

В зале управления их встретили взглядами, полными облегчения и ужаса одновременно. Ростовцев, увидев их, выдохнул и опустился в кресло.

— Слава богу, — пробормотал он. — Я уже думал, вы не вернётесь.

— Шлюз закрыт, — доложил Сато. — Внешняя створка на месте. Но корневой узел... он был живым. И в нём была Хига.

В зале воцарилась тишина. Люди переглядывались, не в силах осмыслить услышанное.

— Хига? — переспросила Надежда. — Она мертва?

— Она — часть их, — ответил Илья. — И это не смерть в нашем понимании. Это... превращение.

— Господи, — прошептал Ганс. — Что же нам делать?

— Выживать, — сказал Илья. — Другого выхода нет.

Он посмотрел на экраны, на которых всё ещё отображались данные с внешних камер. На одном из них было видно, как по ледяной поверхности Ганимеда, вдали от станции, медленно ползёт светящаяся волна. Она двигалась к «Новому Рассвету», неумолимая, как прилив.

Растения знали, что их узел уничтожен. И они не собирались прощать.

Илья закрыл глаза. Перед его мысленным взором снова всплыло лицо Хига, её шевелящиеся губы, её слова: «Не бойся».

— Лёгко сказать, — пробормотал он. — Чертовски легко сказать.

А пение, которое он так ненавидел, снова зазвучало где-то в глубине станции. Тихо, едва слышно, но неумолимо. Оно возвращалось. Оно всегда возвращалось.

И вместе с ним возвращался страх.

Тот самый страх, который, как он теперь понимал, невозможно победить. Можно лишь отсрочить его триумф.

Но ненадолго. Слишком ненадолго. Он открыл глаза. Пение, едва уловимое, но вездесущее, снова наполняло станцию. Теперь оно звучало иначе. В нём появилась настойчивость, требовательность. Оно не просто присутствовало — оно звало. И каждый из находившихся в зале это чувствовал.

Ростовцев первым нарушил молчание.

— Всем оставаться здесь. Никто не расходится по каютам. Мы должны держаться вместе.

— И что дальше? — спросил Конев, всё ещё в расстегнутом скафандре. Его лицо было бледным, на щеках выступили красные пятна. — Будем сидеть и ждать, пока они до нас доберутся?

— А что ты предлагаешь? — огрызнулся Ростовцев. — Выйти на поверхность с огнемётами? У нас нет огнемётов. У нас есть только эта станция, которая с каждым часом всё больше превращается в их рассадник.

— Нужно эвакуироваться, — тихо сказала Надежда. — Взять спасательные капсулы и улететь.

— Куда? — Илья обернулся к ней. — До Земли лететь годы. Капсулы не рассчитаны на длительные перелёты. Запас кислорода — на несколько суток. Еды — на неделю. Мы просто умрём в открытом космосе.

— Лучше умереть там, чем здесь, — прошептала она.

— Нет! — резко ответил Илья. — Лучше не умирать вообще. А если уж умирать, то сражаясь, а не бегством в никуда.

Он сам удивился твёрдости своего голоса. Откуда взялась эта уверенность? Минуту назад он сам был готов провалиться в бездну отчаяния. Но сейчас, глядя на испуганных людей, он понимал, что кто-то должен стать опорой. Кто-то должен взять на себя ответственность.

— Наш приоритет — понять, чего они хотят, — продолжил он. — Мы уже знаем, что они реагируют на страх. Значит, можно предположить, что и другие эмоции им безразличны. Возможно, есть способ обмануть их, перенаправить их внимание.

— Каким образом? — Сато смотрел на него с сомнением.

— Пока не знаю. Но Хига говорила, что они изучают нас. Что они используют наши эмоции как ключ к нашему сознанию. Если это так, то, возможно, мы можем подсунуть им фальшивый ключ. Сымитировать то, чего они ждут, и ввести их в заблуждение.

— Это слишком рискованно, — покачал головой Ростовцев. — Мы не знаем их возможностей. Вдруг они чувствуют ложь?

— А вдруг нет? — парировал Илья. — Терять нам всё равно нечего.

В этот момент один из экранов на пульте мигнул и погас. Затем включился снова, но на нём уже было не изображение с камеры, а нечто иное. Тёмный фон, по которому медленно плыли светящиеся точки, складываясь в замысловатые узоры. Узоры пульсировали, переливались, словно живые.

— Что это? — спросил Ганс, указывая на экран.

— Похоже на... помехи, — неуверенно произнёс Сато.

— Это не помехи, — Ростовцев подошёл ближе, всматриваясь. — Это сигнал. Они передают что-то через нашу систему связи.

Илья тоже подошёл. Узоры на экране действительно напоминали некий код, последовательность образов, пытающихся передать сообщение. Но разобрать его было невозможно: слишком чуждым, слишком нечеловеческим был этот язык.

— Они общаются с нами, — сказал Илья. — Или пытаются.

— И что они говорят? — нервно спросила Надежда.

— Я не знаю. Но одно ясно: они не просто бездумные агрессоры. Они разумны. И у них есть цель.

Экран снова мигнул, и на нём появилось изображение оранжереи. Той самой, где Илья был несколько часов назад. Камера показывала купол изнутри. Но теперь там было нечто новое. Прямо в центре, среди грядок, возвышалась конструкция, похожая на дерево. Или на колонну. Или на... статую.

Это была фигура человека. Огромная, метра три высотой, состоящая из переплетённых стеблей и нитей. У неё не было лица, но были руки, раскинутые в стороны, словно в приветственном жесте. И она светилась. Ровно, мягко, завораживающе.

— Господи Иисусе... — прошептал Ганс.

— Они строят, — сказал Илья. — Они не просто захватывают. Они создают нечто новое. Возможно, это их способ коммуникации. Или способ колонизации.

— Или алтарь, — мрачно добавил Конев.

Все обернулись к нему.

— Алтарь? — переспросил Ростовцев.

— Ну, смотрите. Они превращают людей в свои узлы, в свои органы чувств. Они плетут из себя подобия человеческих фигур. Это же очевидно: они строят культ. Они обожествляют нас. Или, наоборот, пытаются подражать нам.

— Глупости, — отмахнулся Сато. — У растений нет религии.

— А ты уверен? — Конев усмехнулся. — Мы ничего о них не знаем. А они о нас знают уже достаточно. И если они видят в нас нечто, достойное подражания, это может быть нашим шансом.

Илья задумался. В словах геолога был резон. Если растения воспринимали людей как образцы для подражания, значит, у них было что-то вроде восхищения. Или любопытства. А любопытство можно использовать.

— Мне нужно вернуться в оранжерею, — вдруг сказал он.

— Что?! — Ростовцев вскочил. — Ты с ума сошёл?! Ты же сам оттуда едва унёс ноги!

— Тогда было не время. А теперь я знаю больше. И я должен изучить эту... статую. Возможно, через неё они пытаются наладить контакт.

— Это самоубийство! — Надежда прижала руки к груди. — Они же убьют тебя! Или того хуже — превратят в одно из своих... узлов!

— Если бы они хотели меня убить, они бы уже это сделали, — возразил Илья. — Но они не убили. Они изучали. Они пробовали. И я должен ответить им тем же. Изучить. Попробовать.

— А если это ловушка? — спросил Сато.

— Тогда я хотя бы узнаю, как она устроена.

В зале снова повисла тишина. Все смотрели на Илью, и в их взглядах он читал смесь страха, недоверия и, как ни странно, надежды. Надежды на то, что этот безумец-агроном знает, что делает.

— Я пойду с тобой, — внезапно сказал Конев.

— Нет, — твёрдо ответил Илья. — Если что-то пойдёт не так, вы будете нужны здесь. Я пойду один.

— Тогда возьми хотя бы оружие, — Ростовцев кивнул на шкафчик у стены. — Там аварийный арсенал. Плазменный резак, несколько осветительных шашек, герметик. Пригодится.

Илья подошёл к шкафчику. Внутри, на поролоновых ложементах, лежало несколько инструментов. Он взял небольшой плазменный резак, закрепил его на поясе, прихватил пару осветительных шашек и баллончик с герметиком. Всё это могло пригодиться в замкнутом пространстве оранжереи.

— Я оставлю канал связи открытым, — сказал он. — Если услышите что-то странное — не вмешивайтесь. Я дам знать, если понадобится помощь.

— Будь осторожен, — тихо произнесла Надежда.

Илья кивнул и вышел из зала.

Коридор встретил его привычным полумраком. Он шёл медленно, прислушиваясь к собственным шагам. Пение стало громче. Оно теперь не просто висело в воздухе — оно пульсировало, словно сердце, биение которого отдавалось в стенах, в полу, в потолке. Илья чувствовал этот ритм. Он совпадал с ритмом его собственного сердца.

«Они подстраиваются, — подумал он. — Они синхронизируются со мной».

Это было неприятное открытие. Если растения могли подстраиваться под его сердцебиение, значит, они могли влиять на него. Замедлять пульс, ускорять, вызывать аритмию. Или, наоборот, успокаивать, вводить в транс.

Он остановился у двери оранжереи. На этот раз она была открыта. Широкая, манящая чернота проёма, из которой лилось мягкое бирюзовое сияние. Илья глубоко вздохнул и шагнул внутрь.

Оранжерея изменилась. Она больше не была похожа на место, где выращивали картофель и салат. Теперь это был храм. Светящиеся стены, колонны из переплетённых стеблей, арки из светящихся нитей, свисающих с потолка, словно гирлянды. И в центре — та самая фигура, которую он видел на экране. Она возвышалась над грядками, огромная, безмолвная, но живая. Её поверхность слегка подрагивала, словно кожа, по которой пробегают мурашки.

Илья подошёл ближе. Он не чувствовал агрессии. Наоборот, воздух вокруг фигуры был тёплым, умиротворяющим. Здесь хотелось остановиться, замереть, забыть обо всём. Забыть о страхе, о борьбе, о боли.

— Чего вы хотите? — спросил он вслух.

Ответом ему была тишина. Но не пустая. Наполненная. Ожидающая.

— Вы хотите, чтобы мы стали вами, — продолжил он. — Чтобы мы перестали бояться. Чтобы растворились в вашем покое. Но зачем? Зачем вам мы?

Фигура не ответила. Но в её глубине, в самой сердцевине, что-то шевельнулось. Илья заметил, как из основания фигуры начали подниматься тонкие светящиеся нити. Они тянулись к нему, не спеша, без угрозы. Словно приглашая.

Он не отступил. Он позволил им приблизиться. Нити коснулись его рук, его лица. Они были тёплыми, мягкими. Они не причиняли боли. Наоборот, от их прикосновения по телу разлилось странное, почти приятное тепло. Тревога отступила. Страх исчез. Осталось только любопытство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.